

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 821.161.1;81'42

Н. Н. Иванов

Особенности внутренней формы слова в прозе А. Н. Толстого

Статья посвящена проблемам прочтения и интерпретации прозы А. Н. Толстого в контексте изучения русской литературы Серебряного века, при этом акценты расставлены на особенностях художественного языка, внутренней формы слова ряда его произведений. Это позволило по-новому представить направление творческих поисков такого, казалось бы, основательно изученного писателя, как А. Н. Толстой.

Ключевые слова: художественный текст, внутренняя форма слова, язык и стиль, поэтика прозы А. Н. Толстого, художественная выразительность, особенности повествования в литературе Серебряного века.

N. N. Ivanov

Features of the Internal Form of the Word in A. N. Tolstoy's Prose

The article is devoted to problems of reading and interpretation of A. N. Tolstoy's prose in the context of studying Russian literature of the Silver Age, accents are placed on features of the art language, the internal form of the word of a number of his works. It allowed in a new way to present the direction of creative searches of such a well-studied writer as A. N. Tolstoy is.

Keywords: art text, the internal form of the word, language and style, poetics of A. N. Tolstoy's prose, art expressiveness, narration features in the Silver Age literature.

Стремление русских писателей Серебряного века к расширению художественной выразительности затронуло и А. Н. Толстого [9], но его творческие поиски нуждаются в конкретизации. Попробуем это сделать, идя от внутренней формы его слова, специфики языка и стиля.

Внутренняя форма слова, текста в том плане, как ее понимали А. А. Потебня, Г. Г. Шпет, построена на образных представлениях читателя. С этих позиций проза А. Толстого глубоко ассоциативна и одновременно почти зрима, рельефна.

Многогранный литературный талант А. Толстого оценили его современники. «Словесный Роден, тень Микеланджело», – написал в 1910 г. А. В. Амфитеатров в статье с недвусмысленным названием «Новая сила» [1]. Ф. Степун заметил: «Талант Толстого – узок и совершенен; его метод – глаzenie, его предмет – вещь и овеществленная душа», сила – в «бессознательной верности земле и жизни» [13]. М. Горький сравнил талант его и «однофамильца» [3, с. 104]; позднее назвал его талант «большим, умным, веселым» [11, т. 2, с. 154]. И. А. Бунин вспоминал в 1949 г., что Толстой «был наделен немалым и очень зорким умом <....> владел богатым рус-

ским языком, все русское знал и чувствовал, как очень немногие» [5, с. 433], а его «писания» всегда отличались «какой-то особой свободой, непринужденностью» [5, с. 435]. Определяя себя, сам А. Толстой шел от слова. «К мистикам причислить себя не могу, к реалистам не хочу <...> есть что-то в силе слов, в обаянии созвучий, что восхищает и само рождает образ» [письмо И. Ф. Анненскому, 1909. – 11, т. 1, с. 154].

Во власти слова, «чудесного дара» [11, т. 1, с. 131], находились не только эстетика, но и факты биографии А. Толстого. По отцу (граф Николай Александрович Толстой) Алексей Николаевич принадлежал к роду Толстых, по матери (Александра Леонтьевна Тургенева, известная детская писательница) – Тургеневых. Алексей Толстой буквально родился с утонченностью слова И. С. Тургенева и силой, умением обобщать Л. Н. Толстого, стремлением обоих к стихийной стороне жизни.

Веря, что без любви, без чувственной гармонии люди несовершенны, а Бытие неполно, писатель апеллировал более к интуиции, образному восприятию, менее – к рациональному осмыслению всего и вся. Идеи Христа о «будущем чело-

вечестве» заключены в «синтезе двух слов» – «желать» и «любить» [письмо отчиму, 1908. – 11, т. 1, с. 134]. «Творчество – продукт группировки эмоциональных воспоминаний» [15, т. 10, с. 10]. «Процесс художественного мышления совершается не логическим мышлением, но экстатическим порывом» [15, т. 10, с. 99].

Особая миссия слова диктовала и состояние художественной мысли, когда писатель не изучал и не познавал, а творчески осваивал полноту и гармонию мира. Это принципиальное отличие А. Толстого от современников. «Цель литературы: чувственное познание Большого Человека» [15, т. 10, с. 101]. Говоря о М. Волошине, который знал путь не «от чувств к словам, а обратно» [2], Толстой, видимо, думал о себе. Если, как в Евангелии от Иоанна, «В начале было слово...» [15, т. 10, с. 128], то слово писателя ловит движение, жест героя, или порыв души – «внутренний жест». «Первоосновные жесты отмыкают чувства. Они есть ключи к познанию чувственного мира» [15, т. 10, с. 93]. «Прежде слова – жест <...> жест как движение души. Слово – есть искра, возникающая в конце жеста» [15, т. 10, с. 128]. Такова его теория слова-жеста.

На означенной эстетике словотворчества построено самое жизнеутверждающее сочинение А. Толстого – повесть «Детство Никиты». Исследователи говорили о «гармонических основах бытия Никиты» [12, с. 151], отмечали «ракурс счастья», автопсихологизм повести [2, с. 126], тему Родины. Но ее содержание и истинное положение в наследии А. Толстого значительно больше.

В 1922 г. вышло первое издание повести. Ее духовную близость ранним стихам и сказкам А. Толстой подчеркнул в «Краткой автобиографии» (1944). В тех и других он «пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось <...> в повести «Детство Никиты» [15, т. 1, с. 184]. Внутренняя форма этих, ориентированных на сказку, «детских впечатлений» такова, что сокровенными стали общечеловеческие архетипы: вхождение в Мир, я и Мир, прошлое, утрата и поиски рая. «Я рождаюсь со всем богатством прошедших тысячелетий <...> расту <...> всеми инстинктами стремлюсь жить в безбольном, безгрешном, счастливом “раю” <...> Человек носит в себе этот маленький мир младенчества, светлый, как свет неба <...> Отсюда – вечная жажда возвращения в «рай» [15, т. 10, с. 127].

Образ детства-рая ассоциативно отсылает читателя к «миру младенчества». Л. Толстой, Ггарин-Михайловский, Горький, позднее Пришвин в романе «Кашеева цепь» считали детство, трудное время роста, нелегкой борьбы с собою, обстоятельствами, людьми – подготовительным периодом, условием превращения человека в личность и достижения после детства желанной высоты. Алексей Пешков Горького искал «благостную силу», пришвинский Курымушка «боролся за себя». В повествовании Л. Толстого, Горького, Пришвина автор сохранял оценочную дистанцию между собою, повествователем и ребенком-персонажем, потому что последний и не понимал, и даже не всегда «верно» слышал зовы своей души и голоса внешнего мира. Более того, этой дистанцией, сравнением ребенка и его же, но взрослого, определялось качество духовного роста. У А. Толстого все иначе: его «мир младенчества» светлый, как свет неба.

«Моя задача – создать мир и впустить туда читателя» [15, т. 10, с. 152]. Автор-взрослый и его разумное оценивающее «Я» устранились, «ушли» из повествования, оно ведется преимущественно в третьем лице – Никиты, повествователь не вмешивается в сокровенные стороны жизни мальчика, лишь указывает на них, дает событийную канву. Герои-дети Горького или Пришвина могли увидеть гармонию после детства. Никита Рощин владеет ей изначально. Последний день его детства «совпал» с отъездом из Сосновки, в чем Никита усмотрел грядущую катастрофу, а Толстой – утрату рая, изгнание человека в несовершенный мир, где его ждут грехопадение и хаос – революции и войны.

Вспомним: «Общая цель литературы – чувственное познание Большого Человека». Отсюда – пристальное внимание к тонкой материи духовного бытия Никиты, апелляция к его безошибочным эмоциям. «Я хочу, чтобы был язык жестов, не рассказчика, а изображаемого», описание героя характеризуется «по словарю, по ритмике, по размеру» [15, т. 10, с. 152].

Первое название – «Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты)» (М.-Берлин, 1922) – отразило авторский взгляд на материал и важный в плане поэтики способ внутренних связей, фактуру повести. «Многие превосходные вещи» – это бесценные для Никиты, трепетно обрисованные, опозитизированные соединения с людьми и Миром. Образ «детства-рая» уравновесил богатую внутреннюю жизнь персонажа и предметно-событийную сторону

повести. Обязательные в десятилетнем возрасте «героические дела» (заговаривание кулака, битва с кончанскими, езда верхом...) согласованы с движениями непосредственной, чуткой, глубокой души Никиты. Его жизнь полна событий и богата духовно теми «коренными вещами», на которых «бытие строится или бытие кончается» [15, т. 10, с. 22]: чтение, первые творческие порывы, сочинение стихов, неизведанное, радостно-пугающее чувство к Лиле, ожидания, воспоминания, узнавание чудесных тайн, люди и волнующий мир природы.

Образ «детства-рая» оттенен цветописью. Так, в первой главе повести «Солнечное утро», Никита, открыв глаза, увидел солнце, вспомнил о радостных делах. И других дней начало будет озарено солнцем, «горячим утренним светом» [15, т. 3, с. 249], счастьем. В литературе утро, пробуждение человека, а тем более – ребенка, а тем более – в первой главе, это не знак, а символ. Такое утро символизирует начало жизни, отзвук мифа о вхождении человека в мир и пребывании в раю. Настолько же символичен и солнечный свет поутру. Никите чужды внутренние или внешние противоречия, он в согласии с собой, людьми, природой, он – часть Большого Мира. В повести А. Толстого «растворена» полемика с его великим «однофамильцем»: пробуждением ребенка открывалось и «Детство» Л. Н. Толстого. Только утро Николеньки Иртеньева (герою Л. Н. Толстого, как и Никите, десять лет) предвещало день разъедающей рефлексии, изматывающего самоанализа, который разрушал, отравлял «преlestь и поэзию детства».

А. Толстой владел «колдовством изобразительности» [10]. Экспрессия повествования усилена цветописью. Здесь и зрительные акценты при характеристике персонажа, и соотносённость через свет души и внешнего мира. «Мне казалось, что нужно сначала понять первоосновы – землю и солнце. И, проникнув в их красоту <...> утвердить для самого себя – что да и что нет, и тогда уже обратиться к человеку, понять которого без понимания земли и солнца мне не представлялось возможным» [14, т. IV, с. 5].

«Глаз художника <...> видит только то, что ему нужно видеть, и видит то, чего не видят другие» [15, т. 10, с. 101]. Внутренняя форма позволяет увидеть и запредельные для осознания границы в природе, и едва уловимые состояния души, и затаенные личные архетипы: ясное, разумное в Никите – от Солнца, а чувственное, стихийное – от Земли. Светлый цвето-

вой спектр, господство золотого, солнечного, небесного, белого тонов, иногда лунно-серебристого, оттенили «небо» в душе Никиты: свет в комнате «снежно-белый», на полу «горячие солнечные квадраты», «сквозь морозные узоры сияло солнце», утро «ясное и морозное», на лицо падал «горячий утренний свет», «широкий двор был весь покрыт сияющим, белым, мягким снегом» [15, т. 3, с. 215].

Экспрессия письма создает иллюзию «продолжения» эмоций мальчика в природе. Вот художник разместил на белом фоне легкую синеву, и пространство стало глубже: «Направо речка виляла синеватой тенью между белых и пустынных полей» [15, т. 3, с. 215]. Вот к горизонтали (речка) добавил вертикаль – «за белым полем надо всей деревней стояли столбами синие дымы» [15, т. 3, с. 237] – и перспектива стала объемнее, а увеличенный до космических размеров объем втягивает Никиту: «Было видно все ровное белое поле, – пустыня, сливающаяся морозной мглой с небом» [15, т. 3, с. 255].

А. Толстой вел героев к полноте жизни через полноту чувств, любовь, делая эту линию сквозной (рассказы 1910-х и середины 20-х гг., романы «Аэлита», «Хождение по мукам»). Любовь – творчество, талант, дар, а любящие люди счастливы. Отношения Никиты и Лили в «Детстве Никиты» – прообраз такого чувства, они освящены символикой Рождества, Пасхи. Звезды, небо, облака – не фон и пейзаж, а контуры, знаки второго, невидимого мира. День рождения А. Толстого (10 января 1883 г., нового стиля) мистически близок православному Рождеству. Не здесь ли кроется лейтмотив многих его сочинений – возрождение человека и обновление Мира любовью, связь с ним через любовь. Дети готовятся к Рождеству, вырезают из золотой бумаги звездочки, читают стихи и замечают «в зеленоватом небе <...> несколько звезд» [15, т. 3, с. 244]; Лиля увидела, как на небе «звезда взошла» [15, т. 3, с. 240]. Рождественская звезда – звезда Вифлеема. Переживание детьми Рождества, Пасхи усилило реальность небесного чуда, оттенило мажорное звучание повести. В автобиографическом сочинении на «простом» материале А. Толстой показал сокровенное бытие личности – «тончайшую материю наследственности», поиски себя в Большом Море, границы Божеского и человеческого, небесного и земного. И это созвучно общему движению русской культуры. Позднее русский философ С. Н. Булгаков в статье «Моя Родина» (1938) скажет: «Родина есть священная

тайна каждого человека, так же как и его рождения. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божиим творением. Человек существует в человечестве и природе» [4, с. 204]. И читатель постигает столь сложный ассоциативный образ, в котором природа получила значение одухотворенной сущности Мира.

Укажем такой важный для осмысления внутренней формы повести сказочный образ – небесный корабль. В одной из последних глав «На возу» мальчик возвращается с молотьбы и смотрит на «бездонное небо», Млечный Путь. «Как в колыбели, Никита плыл под звездами <...> «Все это мое, – думал он, – когда-нибудь сяду на воздушный корабль и улечу» [15, т. 3, с. 298, 299].

«Мир младенчества» – «потенциал художника» – разросся до границ Вселенной, в заветных устремлениях Никиты реализованы сказочные мечты: его счастье выведено на уровень небесной правды, он летит на воздушном корабле к далеким мирам (метафора творческого поиска) и осознает себя сыном Вселенной (под звездами, «как в колыбели»).

Образ «летучего корабля», мотив приближения к «лазурному берегу неведомой планеты, – серебристым горам, чудесным озерам» угадывается и в научно-фантастическом романе «Аэлита», и в грезах о чудесном полукосмическом городе будущего («голубой город») В. А. Буженинова (рассказ «Голубые города»). Единая типологическая линия словотворчества сблизилась разные по жанру, материалу, тематике, стилю произведения А. Толстого поиском универсальных потенциалов любви и творческой жизни – земной и вселенской.

Библиографический список

1. Амфитеатров, А. В. «Новая сила» [Текст] / А. В. Амфитеатров // Одесские новости. – 1910, 7 ноября.
2. А. Н. Толстой. Материалы и исследования [Текст]. – М., 1985.
3. Архив А. М. Горького Т. IX. М., 1966.
4. Булгаков, С. Н. Моя Родина [Текст] / С. Н. Булгаков // Новый мир. – 1989. – № 10.
5. Бунин, И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9 [Текст] / И. А. Бунин. – М., 1967.
6. Воспоминания об А. Н. Толстом [Текст] : сборник. – М., 1982.
7. Горький, М. О литературе [Текст] / М. Горький. – М., 1980.
8. Горький М. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком [Текст]. – М. – Л., 1928.
9. Иванов, Н. Н. А. Н. Толстой [Текст] / Н. Н. Иванов // История русской литературы XX века: в 4-х кн. Кн. 1. 1910–1930 годы /Л. Ф. Алексеева и др. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 304–325.
10. Крюкова, А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе [Текст] / А. М. Крюкова. – М., 1990.
11. Переписка А. Н. Толстого: в 2-х т. Т. 1, 2. [Текст]. – М., 1989.
12. Скобелев, В. П. В поисках гармонии [Текст] / В. П. Скобелев. – Куйбышев, 1981.
13. Степун, Ф. Граф Ал. Ник. Толстой [Текст] / Ф. Степун // Северо-Запад. – 1914. – № 5.
14. Толстой, А. Н. Сочинения. Т. 1–10 / А. Н. Толстой. – М., 1911–1918.
15. Толстой, А. Н. Собр. соч. в 10 т. [Текст] / А. Н. Толстой. – М., 1982–1986.